

Стихотворения 1902 — 1930

Мать грез

Верховная богиня, Мать Грез, когда ты откроешь двери из слоновой кости,
Кого ты насылаешь на людей? Видения твои нисходят чередой путем тенистым.
За грезой греза, вспыхивая, пламенеет светом звезд, безмолвно бдящих.
В тебе витают призраки во мгле, огонь пылает, звезды светят, и случайный метеор
летит.
В тебе взывают голоса к тому, кто близок им и отвечает, волшебные, что в сердце
бьются и внимающую душу похищают.
Откуда эти земли, золотой песок, моря, которые прекраснее всего на свете?
Кто те, кто водами пурпурными плывет и бродит берегом твоим из яшмы под
небом, где мечтает тайна,
Окутанные незнакомым лунным светом иль солнечным лучом, неведомым земле?
Кто те, кто в бурные моря твои под парусом выходит, не сотканным руками,
ветром неземным надутым?
Зачем они в мистическую цепь смыкают руки с теми, кто на песке, и кружат
странным, величавым танцем?
Ты — в воздухе, огонь — в твоих кудрях, за вихрем наблюдаешь собственных
чудес.
По праву древнему поддерживаешь ночь, божественная Мать, из гиацинтов на тебе
прекрасное убранство.
Разящая огнем, желание влекущее, свое неведомое царство ты хранишь.
Прекраснозвездная, с луной у ног, то видимой, то скрытой мраком туч и
развеваемыми ветром волосами.
Лишь тем, кто избран прихотью твоей, свободная, дано познать твои магические
ласки.
Открой же двери, выпусти детей своих, что в мире красоты неомраченной
ожидают!
На облаке взлетев, победоносный, гордый, увидел я Магхавана и армию ветров за
ним.
Вкусил небесной пищи я и фрукты несказанной сладости.
Испил вина из божьих царств, услышал звуки лиры, которой наши руки не
способны овладеть.
Раскрылись двери в залы гордости, где Боги восседают, и где Апсары пляшут все
быстрее и быстрее.
Ты — та, кого мы видим первой, когда границу смерти преступаем.
Ты у ворот небесных государств установила жезл свой, чарующий восторженного
йога.
Мечтой и тенью, беглым светом ты в заблуждение ввергаешь нас.
В тени твоей рождаются виденья, слетая с рук твоих, приходят души из земель
небесных, блаженные вовеки.
В твои мечты-миры вступаем мы, в твое магическое зеркало взираем, с тобою
расставаясь, превосходим мы Пространство-Время на вершине бытия.

Рождение греха

Люцифер, Сириус

Люцифер:

Что за могучее, необъяснимое желанье
Тобою движет, Сириус? Покой, тебе привычный,
Тобой потерян, и глаза,
Что были божества надменными глазами,
Теперь людское беспокойство выдают.

Сириус:

О Люцифер, сын Утра, Ангел!
Ты — первый из вершителей судьбы.
Тебе дано своим волшебным взором,
Когда бросаешь ты его со стен небесных,
Смирять смертных, миром управлять.
Ужель тебе блаженство не постыло,
О князь трудящихся без устали богов?
Ужель тебе неведома усталость
От пламени великого, высокого желанья,
Которые тебя к работе принуждают?
Мне кажется, что вечность наша слишком тяжела,
Что слово существует, мысль,
Которые еще богоподобней.

Люцифер:

Скажу я слово, Сириус.
Возможно, это — Власть?

Сириус:

Нет, Люцифер, Любовь.

Люцифер:

Любовь?! Что миллионы лет
Мне шлет необсуждаемый приказ
Служить и действовать? Она уж угасает.
Другая страсть гигантская влечет меня.
Взираю я на мир неизмеримый
И вижу небеса, которые полны
Лазурной радостью и счастьем.
Повсюду вижу я разбросанные звезды...
О Сириус, скажи мне, как Господь
Стал Богом? Может Он
Сместил другого, менее могучего владыку,

Что правил с незапамятных времен?
Возможно, Он путями мирными,
Наследством или дозволеньем, всем этим овладел?
Иль вправду Он вовеки правит и вовеки есть?
Ужели безграничны необъятные Его владенья?
Ужель во всей вселенной не найдется закоулка,
Забытого судьбой, который мог бы я себе присвоить,
И сделать собственной своей империей великой,
И вечно править ею?

Сириус:

Слова твои могучи как ты сам.
Желаешь мятежа? Но если Он
Тебя за то подвергнет наказанью,
Ты вечность боли ужасающей познаешь,
А не вечность управленья.

Люцифер:

Все ж лучше, чем служить безмолвно,
Влачась постылым и жестоким принуждением,
Ища во времени огромном краткий миг
Отдохновенья, передышки, но взамен
Лишь неизбежности железо находить
И ждать напрасно места и свободы.

Сириус:

Решился ты?

Люцифер:

Еще я не решился, но намерен.

Сириус:

По мне активной силы ощущение,
Которое меня работать побуждает,
Что движет звездами и солнцем бессловесным, и ветрами.
Но я почувствовал самой весны прикосновенье,
Услышал я мелодию восторга,
Сводящую с ума столь сладостным звучаньем
Прелестной, нестерпимой радости!
Но с кем могу я разделить блаженство?
Скажи мне, Люцифер, Любовью порожденный,
Что есть она?

Люцифер:

Желание высокое служить, помочь.

Сириус:

Не то! Обнять, прижать, смешать
Два существа в одном. Мятущийся
Направить дух в пучину общей страсти —
Вот то, что я ищу.

Люцифер:

Позволено ль тебе?

Сириус:

Я чувствую преграду. Некто
Сказал доселе мне неведомое слово: "грех".

Люцифер:

Оно свежо, как, впрочем, сами мысли.

Сириус:

Не знаю, кто он был, смеявшийся и говоривший:
"Родился в мире грех, мятеж, измена —
То Сириус и Люцифер,
Звезда вечерняя и утренняя пали!
О мир, возрадуйся!" И я увидел будто бы во сне
Как из твоей главы в мою входила
Наружности прекрасной женщина,
Но все ж грозящая неведомой тревогой.
И мир наполнился страданием и плачем.
Казалось мне, что Ангелы и Боги,
И люди воевали меж собой
Затем лишь, чтоб одежд ее коснуться,
Притронуться к следам, оставленным ее стопами,
Взывая: "Люцифера Дщерь, будь нашей!
О сладкий, обожаемый, всесильный Грех!"
Засим я и пришел.

Люцифер:

Так жди ее рожденья, Сириус!
Для этого, я знаю, неизбежность правит бесконечным миром,
И даже Он, наверно, принуждению подчинен.
Ну что ж, когда настанет время,
Обсудим мы с тобой, что будем делать дальше.

Богоявление

Величественный, кроткий, отрешенный,
К святым и грешным равно обращенный
Одной непостижимою улыбкой —
Я видел Шиву, ставшего голубкой,
Воркующей у своего гнезда. Вокруг собирались
Подонки, грешники к Нему сбегались,
И демоны, поверженные грозными богами,
Склонялись пред Его ногами,
В покоях светлых не найдя уют —
Всем им у стоп Его дарован был приют.
Все те, кто брошен был, отвергнут, нелюбим,
Все равно представляли перед Ним,
С любовью принимавшим все,
И находили небо здесь свое.
Виденье изменилось. Он же вновь
Предстал ужасным словно гром иль кровь.
Его рука жестокая копье сжимала
И с гневом полусферу поражала.
С небес кипящих бедствия спадали,
Крушения повсюду угрожали,
То глады насылались на людей, то моры.
Он под себя подмял униженные горы,
И пред Его пылавшими глазами
Умылись люди горькими слезами,
Увидев, как свиреп Он и могуч.
И плач поднялся: "О Господь ветров и туч,
О Рудра, смилуйся, яви другую форму,
Не будь подобен яростному шторму!"

Бог Гнева, Бог Любви — едины.
Поверженные Им не менее любимы.
Неведом страх Ему, приветствуя невзгоду,
Он в поражении преследует свободу
От косности и принимает Форму
Любви под маской Ужаса, Покоя, что подобен шторму.
Он в помощь человеку посылает Жизнь и Смерть,
Пока тот не познает и, покинув твердь,
Не проторит к бессмертию пути,
Оставив боль и ужас позади.
Он тоже станет Рудрой кровожадным
И Шивой, существам отрадным.

К Р.

В день ее рождения

Кружение твоих прекрасных лет
Опять тебе вернуло радостное утро.
Вновь жизнь твоя рождается на свет.
Она как будто

Волна среди сотен волн других,
Одна в столпотвореньи моря,
Извечно к берегу спешащий стих,
Не ведающий горя.

Ее влечет невиданная мощь,
Неодолима, вечна и свободна,
Ничто ее не в силах превозмочь —
Она природна.

Нас тоже гонит Древний Океан
К своим мечтаньям
И парус сильный наполняет нам
Своим дыханьем.

Ликуя в славе безмятежных дней,
Достигни дальнего предела
И Лоцману божественных путей
Доверься смело.

Возрадуйся, не бойся грозных волн,
Ветров гнетущих и штормов ревуший,
В руках надежных твой пытливый челн,
Не устающих.

И если ты в смятении морском
Узреть не сможешь неба над собою,
Не бойся, ибо Солнце ночью, днем —
Всегда с тобою.

И даже те, кто канул уж в Него,
Куда они пропали?
Они вкусили отдых, только и всего,
Когда устали.

Но ты взирай на радостные дни,
Что ждут за непогодой.
Я знаю, будут счастливы они,
Полны свободой.

На милость положишь Его,
Прими Его вожденье,

Увидь Его во всем, ведь для того
Дано тебе рожденье.

Ракшаса

Ракшаса, неистовое, деятельное эго, заявляет свои права на обладание миром, замещая животную душу, чтобы, в свою очередь, смениться подконтрольным и интеллектуализированным, но необращенным эго — асурой. Каждый такой тип и уровень сознания видит Бога в своем собственном облике, а его уровень в Природе поддерживается той или иной формой Матери Мира. (Шри Ауробиндо)

"Славу, величие, радости жизни,
Гордость, необоримую силу, чтобы ни пожелал
Человек, чем бы ни наслаждался зверь дикий,
Женщин тела, жизни мужчин —
Дай мне во власть. Сила моя
Подтверждает мое притязанье. Не нужно
Короны мне незаслуженной и недобытого царства.
Чего же Ты хочешь, Создатель людей?
Крови затрат иль труда, или лет,
Проведенных в молчаньи суровом?
Жизни кладу на алтарь Твой животных, людей.
Или же золотом может Твоя благосклонность быть куплена?
Богатства могу я заставить насытить
Храмы Твои и жрецов. Сердце мое
И рука способны на жертву любую,
В терпении неистовом я повинуюсь.
Но от меня не требуй молчанья смиренного
И бледной, поработанной души,
Бесцветной в своей человечности.
Сердца не требуй дрожащего и просящей руки.
То, что может дать сила, проси, но не слабость!
О Рудра! О Махадэв!
Ты тоже силен и могуч, неистов и смел!
Запахом жертвенной крови кормятся ветры Твои.
Гневливый, Ты правишь поверженным миром.
О Всемогущий Ракшаса, взгляни на меня,
Равана, царя всех ракшасов,
Отдай свой великий приказ повергнуть врагов!
Но больше всего я хотел бы подвернуть мученью, унижить, убить
Твоих почитателей, превозносящих Тебя,
Богом Любви Тебя называя, слишком прекрасным, чтоб править.
Я-то ведь знаю, кто Ты, я-то знаю,
И знаю, кто я, — мы с Тобою едины!"
Так Ланки молился властитель. И улыбнулся
На небе Шри Кришна, Друг всех людей,
И промолвил: "О Мудрецы, о Пророки,
Кто мыслью своею Мне помогает в помощи людям,
Слышите вы, как взывает Раван против звезд,
Требую Землю себе в обладанье? Скажите,
Быть ли тому?" И ропот поднялся:
Брамина он бы изгнал отовсюду,
Свою бы ужасную йогу всем навязал
И сделал бы жесткое сердце, железную руку

Всего господином. Шри Кришна ответил:
 "Во имя Меня Самого он волю Мою исполняет.
 Я знаю, не лжет он, когда говорит, что он знает.
 Едины мы с ним, как могу я отречься?
 И разве не сказано в Веде, и разве не знаете вы,
 Что знающий это получит, что бы ни пожелал?"
 И Атри взмолился мудрец:
 "Пусть же он правит один лишь период и будет убитым!"
 И Правящий Вечно ответил:
 "Пророки, кое-что знаете вы,
 Но замысел Мой вам не ведом. Давно решено,
 Что будет ракшаса Землей управлять.
 Он зверя в себе изживает, требуя жертву его,
 При этом великою мыслью и устремленьем неистовым он обладает.
 Он демона изгоняет из расы,
 С яростью убивая, но не с жестокостью.
 Он от Ванары* мир избавляет на время,
 Призванный все человечество возвеличить.
 Ифрита** он низвергает. И если период его
 Не наступит — не будет прогресса. Но если
 Он видит Меня как себя, а не себя как Меня,
 И жизнь принимает и тело за все —
 Довольно с него. Посему
 Пусть слово Атри будет исполнено".
 И вот пред ракшасой из пламени жертвы
 Нагая и смуглая, с кровью залитым мечем
 И взглядом ужасным, испепеляющим мир,
 Кали-ракшаси явилась.
 "Требуй же дар!" — прогремела она, и все боги
 Замерли. "Землю прошу в наслажденье,
 Боги ее пусть станут рабами моими,
 Силу и славу мне дай!"
 "Быть посему", — отвечала она.
 "Навечно ль?" — взмолился Раван.
 "Нет. Ни тебе и ни мне не владеть ею вечно.
 Асури займет мое место,
 Асура отпрысков свергнет твоих.
 В течение срока ты восходил — в течение срока и правь!
 Но поскольку желанье твое
 Исполнено мной лишь отчасти, требуй еще дар!"
 "Позволь же тогда быть мне убитым
 Ни лапою зверя, ни демона, ни человека и ни титана рукой,
 Ни тварью какой-либо меньшей,
 А Бог сам пускай уничтожит меня!"
 И Кали сказала ему, улыбаясь ужасно:
 "Быть посему!" — и, страшно смеясь, удалилась.
 Тогда же Раван возвысился собственной жертвой.

*Ванара (санскр.) — обезьяна, здесь следует понимать как человеческую животность. (Прим. пер.)

**Ифрит, Джинн, — демонический элемент в Природе. (Прим. Шри Ауробиндо)

Кама

Согласно определенным представлениям Желание — это творец и основа всего, Желание и Невежество. Теряя желание, превосходишь Невежество, а превосходя Невежество, теряешь желание; тогда сотворенный мир превзойден, и душа вступает в Божественную Реальность. Кама здесь говорит как Желание-Творец, сила, порожденная Блаженством Божественной Реальности, куда, оставляя желание, возвращаешься, обладая блаженством Брахмана, *анандам брахmano видван*. (Шри Ауробиндо)

О одинокие просторы, о моря пространства
Безлюдные, о царства невозделанного света,
Живыми формами плодоносите,
Возбужденные желаньем! Свое дыханье посылаю Я
В существованья сердце, шторм
Влечения сладкого его покой разрушит
Трепещущей и страстной силой,
И мелодичным зовом станет тишина,
И мир проявится. Из сердца Моего
Возникнут солнца в пустоте безбрежной,
Закружат звезды бесконечным танцем,
Свивая смертной жизни сеть. Ведь Я —
Любовь, Я — Страсть, Создатель Мира.
Я суть единый Брахма. Я — Желанье,
Что принимает многочисленные формы.
Я — тот, кто колесо творения вращает,
Я сохраняю, ибо Я — любовь. Я истощаю сам себя,
И циклы мира вновь впадают в Пустоту.
Восторг и смех идут всегда со Мною,
В страдание и боль играю Я.
Я — танец Кришны, танец Кали.
Могущество и Сила мне принадлежат.
И сердце сделать Я могу играющим ребенком,
И душу — женщиной, исполненной блаженства.
Желание и Жажда проявитесь и явите мир!
Восторг, сойди и жизнь наполни силой!
О изменись, эфир! Дыхание вещей, вращайся
Вечным вихрем! Прорвись, огонь,
Морями цвета и волнами света! О жидкий элемент,
Стань соком наслаждения во всем,
Чтоб чувства насыщать! О твердь земная,
Проявись и будь мирам опорой!
Я посылаю радость, чтоб зажечь сердца людские,
Закон Я посылаю, чтоб гармония царила.
И сделав это, научив людей
Блаженству, Красоте, Способности желать,
Сокрою Я Себя от их желаний,
Такое правило погони вечной утверждая:
Тот, кто отверг Меня, вовеки будет обладать,
А тот, кто возжелал, — теряет.

Камадэва

Может Любовь на земле оставаться,
В неге лежать,
Или должна в небеса устремляться
И умирать?

Лишь на вершинах свободных и гордых
Встретим ее?
Может наскучить ей сладостный отдых
И забытьё?

Что же тогда называется мерзким,
Что же благим?
Бог, ибо Он лишь является дерзким
Или нагим.

Бог есть Любовь, раб томленья и страсти,
Служащий нам.
Только Своей всеобъемлющей власти
Предан Он Сам.

Махатма

Это стихотворение — всего лишь игра воображения, лишь поэтическое представление общей идеи Махатмства. (Шри Ауробиндо)

Семь гор и семь морей
Вокруг меня. И восемь солнц
Сияют надо мной различными цветами:
Зеленым, голубым и алым,
И розовым, и фиолетовым, и золотым, и белым,
И мрачный диск, что кружится в пещере смерти,
Взирает, пламенея, на меня.
Раскинулись миры бессмертных подо мною,
Горам подобно, что восходят к небесам,
А на вершине — Шива восседает.
Давно дела мои Земле знакомы,
И смертные, над кем простерта власть моя,
За мною следуют. Но я не следую
Обычными путями, доступными для разумения людей.
Стремленье к знанью, ощущение силы
И жажда божьей благосклонности
Меня влекут на протяженьи сотен жизней.
Я рос из жизни в жизнь, пока вершины не достиг
Познаний человеческих, теперь рожден в Бхарате,
Я, Кутуми, Кшатрия, Адепт,
Могучий Йогин школы Двайпаяны,
Предстал пред Вьясой, нашим почитаемым Отцом.
Он на меня взглянул глазами зрящими
И улыбнулся, величавый и ужасный.
"Кутуми, — он сказал, — теперь же собери
Все то, что ты обрел во многих жизнях,
Припомни прошлое свое
И круг рождений человеческих оставь,
Используя те восемь сил, что делают из человека Бога.
Затем вернись и выполни свою великую работу,
Поскольку ты из тех, чьи души не подвластны смерти".
На гору я взшел из моря,
Рокочущего дни и ночи напролет,
И пел под эти грубые аккорды
Средь плача птиц и завываний ветра,
Под скрежет демонических зубов.
В течение трех дней я делал Хатхайогу,
Которую за десять жизней люди не исполнят —
Такие упражненья ныне слабой расе не под силу,
Но раньше их Раван из Ланки знал,
И Дхрув исполнил, и Хираньякашипу свершил,
Ту Йогу древнюю Царей Лемурских.
Я силу ощутил Титанов в жилах,
Богов блаженство, совершенство Сиддх.
Могучий словно грозный Бог
Пришел я к Вьясе. Но он, качнув косматой головой,

Отверг меня, сказав: "Кутуми, ты нечист".
Вернулся в гневе я на Гималайские вершины
И годы восседал в молчаньи средь снегов.
И Знание вошло в меня потоком,
И горы содрогнулись от его великой силы.
В течение трех дней я делал Раджайогу,
Усердно следуя которой, люди
Напрасно расточают век.
Но то была не Раджайога Кали,
А Йога совершенства знанья, чистоты и силы,
Бали, Титан, ее познал и отдал людям,
Ту Йогу древнюю Царей-Атлантов.
Сияющий подобно солнцу к Вьясе я пришел.
Тогда он улыбнулся и промолвил: "Что ж,
Теперь найти ты должен мира Душу,
Шри Кришну, что живет среди людей сокрытый.
Ему отдай все то, что ты познал.
Ведь ты есть Он, возвысься над людьми
И знанье сбереги, однако это просто
В век третий, сохраняющий людей богоподобный облик.
Затем увидишь ты приход железной Кали,
И в Дварке Он тогда покинет Землю.
Знай, это — испытаний час, и людям помощи
Спасти то знание, что мир спасает,
Пока Шри Кришна не вернется навсегда.
Затем, свершив свой грандиозный подвиг,
Вернись в миры блаженства на бесчисленные годы,
Пока другая эра не начнется,
Когда одним ты будешь из семи великих Риши".
Я знание свое простер на Землю,
Но не нашел Его я ни в Бхарата царских залах,
Ни в тихих ашрамах, ни в храмах чистых,
Ни там, где собираются торговцы,
Ни в теле брамина, ни кшатрии Господь не обитал,
Ни в вайшье и ни в шудре, и ни в парии.
Но, наконец, к убогой хижине на диком горном кряже,
Ведомый звездами, я подошел.
В отшельнике безумном из диких абхиров,
Который то сидел беззвучно, то смеялся,
То вскакивал и прыгал, и носился,
Не говоря причину радости такой,
Узнал я Господа, узрев за человеком Дух,
Что правит миром.
Я пал пред ним, но Он, вскочив,
Ногой меня ударил, и внезапно
Все знание мое, желание и сила
Покинули меня и в свой источник возвратились,
И как младенец я новорожденный стал.
Он засмеялся громко и промолвил:
"Возьми назад свои дары, о нищий!" —
И побежал по склону вниз вприпрыжку.
Наполненный блаженством, силой, светом,

Я воспарил над сферами Богов могучих,
Снегам оставив человеческое тело.
Другие собрались вокруг меня,
Способные помочь мне в той работе,
Которую мне Вишну поручил.
Я знание обрел здесь, а затем на время
В свой человеческий вернулся склеп,
И жил среди людей, себе ища подобных,
Испытывая, отвергая и используя людские души —
Сосуды Духа, ибо Эра Золотая
За Кали следует, железо золото скрывает,
И Йога возвратится к людям,
Исчезнут секты, и жестокие умолкнут споры,
И на Земле придет конец безбожью,
Сраженному познанием,
Любовь и братство, равно как и мудрость
Шри Кришны овладеют миром.

Медитации Мандавыи

Первая

О радость исполнения желаний!
О радость поражения и утраты!
О сердце, что стремится мир возвысить!
О сердце, принимающее боль его,
Страданье пьющее! Люблю тебя, Любовь,
Нагой иль облаченной, или отвратительно ужасной,
Не только в час, когда ласкаешь сердце,
Но и когда пытаешь! Жалость мне твоя мила,
Забота матери о собственных созданиях,
За радость я люблю тебя в живущем,
За боль, которую в страданиях терпим.
Не изменю, как многие, твоей всеильной воле
И не скажу, что нет тебя. Легко
Любить за что-то иль зачем-то,
Но тот, кто в муке любит, — тот любим.

*

На крыльях бирюзовых, красногрудой птицей
Огромной, с парковой стены слетая,
Ты мне явилась. Несколько секунд на ветке,
Качаясь, посидев, исчезла, сердце мне разбив.
Ты мне как будто бы сказала: "Посмотри,
Как я прекрасна! Показать тебе
Себя я прилетела, а теперь прощай.
Увидел ты меня и полюбил". Она всегда,
Очаровав, уходит, но сердца влекутся к ней.

*

Когда же ночью на террасе я гулял,
Она ко мне пришла, ужалив в ногу.
Моя душа возликовала от касания любимой.
Но ум, введенный в заблуждение формой,
Сказал, что это — скорпион.
И все ж душа моя запомнила восторг.
Отвергнув ум и боль, смеялся я, счастливый.

*

Достигнуто, достигнуто! Исчезла боль,
Борьба. О радость, что с начала мира
За мной следила в логове своем,
О Дикий Зверь, ты душу раздираешь
Восторгом, о свирепый Бог!
Божественная ярость! Жалость лютая!
Вневременный восторг ночных объятий!
О тихий ужас ласк Твоих!
О человечество, я, наконец, постиг
Века твои, отмеченные потом, кровью,

Поскольку все оплачено ценой
Мгновенья одного в объятых Бога.
Пусть мир теперь закончится, поскольку все,
Зачем он сотворен, свершилось.
Я поглощен теперь Тобою, Бог.

Вторая

Кто здесь Природу превратил в тирана,
На рабство нас обрек? Не Бог.
Мы сами сделались своими же рабами,
Забыли мы себя, сковав цепями собственные члены.
За нами наблюдает только Бог,
Смеясь над детской нашею забавой.
И если Он беспомощных лелеет нас,
И если Он играет с нами несмотря на плач
И смехом отвечает нам на нашу ярость,
То сами мы в паденьи виноваты,
И нас по глупости игра Его пугает,
А Он взывает к нам и говорит: "Не стоит".
Теперь же мы твердим, что нет свободы.
Природа нас связала, пламень иссушил,
Пучина поглотила, смерть свою вкусила жертву.
Мучение и скорбь повелевают нами,
И грех как рыкающий лев блуждает в мире,
Поскольку все — Природа. Человек не бесконечен,
Нам доказательством тому его извечный плач,
И Бог — не больше чем бездушная машина.
Но в нас все время Мысль-Молния играет,
Все время в нас Любовь Его горит.
Теперь же больше чем всегда смеется Он.

*

Теперь я верю, что возможно
Повелевать густеющими облаками,
Утихомирить гром и дождь вернуть на небо.
Однако мы сперва должны
Соприкоснуться с Богом, здесь погрязшим
В любви к творенью своему,
Своими же рабами заточенным,
Беспрекословно подчиненным всякому желанью.
Любима человеком власть, но власть же истощает.
Предельна Сила. Где тогда предел?
И почему бы ни отважиться на беспредельность
И ни рискнуть исчезнуть,
Если так бессмертье
И всемогущество высокое найдем?
Не только жалкие капризные моря,
Не только Океан, пугающий штормами,
Примером нашим станет. Свод небесный
В сравненье с человеком не идет,

Пространство чье выходит за пределы мысли.
Есть нечто в нас, что не страшится ночи,
А все плывет без весел и руля
Туда, где исчезают чувства.
Должна душа проникнуть в пустоту,
Где ничего не существует, лишь она одна,
И утвердиться там, не требуя возврата.
Кто тот, кто ограничен в звере, в древе, в глине?
Будь совершенным здесь, прорви границы,
Почувствуй мир пылинкой на своих стопах!
Достаточно познал я направление
Могучей Силы, движущей мирами.
Я знаю, Бог, настанет день когда-то,
Когда восстанет человек из грязи
И овладеет звездами и солнцем.
Исчезнут видимость, законы и причинность.
Разногласица и боль уйдут из мира,
В пустыне расцветет цветок,
И забурлят пески поющими ручьями,
И человек опять подобьем станет Бога.

*

Я не устану, Бог. Я знаю,
Что если жажда есть, должна быть и вода.
Но в этой жизни можно не успеть.
Природа старая как призрак на пути,
Восстать способны страсти, и сомнения вернуться.
И есть ли жизнь другая здесь иль там,
Чтоб все закончить? Я не сдамся, Бог.

Третья

Что есть Любовь, которую я никогда не видел?
Я Бога в небе представлял,
Его я созерцал в листве дрожащей,
Его я слышал в пении ручьев,
Его боялся в молнии клыкастой,
Терял Его в молчаньи вечной ночи
И снова находил в алеющей Заре.
Теперь я говорю, что нет Его!
Есть только Пустота, что изрыгнула
Бесчисленные фантастические формы
В другую менее пустую пустоту,
Что чувствует. О если этот сон правдив,
Железная, тупая, грубая забава,
Зовущаяся миром, что кружится и кружится,
Стучит, кровоточит, затормозить не может,
Как жертва на железном колесе?
И если Воля это сотворила,
Не лучше ли восстать на лютого Тирана?
Пусть имя это люди позабудут

В одном порыве. Если же, конечно,
Отказом можно жизнь Его разрушить,
Счастливый положить конец Его несчастному творенью.
Где в звездах этих хоть намек Любви?
Все это — не Любовь. А то, что кажется Любовью, —
Лишь призрачный обман, что выдает себя,
Что послан, чтоб страданья увеличить
И Смертью отвратительной явиться!
Все в мире есть Она —
Пожравшего пожавший пожираем,
Таков удел неистового мира.

*

Смотри, Тебя я проклял, я отверг Любовь Твою, бытие.
Что ж, порази меня теперь своим ударом
И убеди, что все же существуешь.
Посланникам бесчувственным своим не будь подобен,
Не знающим ни ярости, ни гнева,
Ни наслажденья жгучего в ударе,
В ответном плаче. Сердце мне раскрой,
Пусть даже злое, но живое,
Что бьется вопреки слезам, страданьям и стенаньям.
Смотри, я душу посылаю по земле,
По слову моему Тобой пренебрегают люди!
Нет ни намека, нет ни звука.
Но все ж я знаю, что вернется Он
И раны оботрет мои, и сердце успокоит.
Прощу Его и снова люблю,
И снова буду я страдать, и снова буду я обманут.
О где конец, о Небеса, Земля?
Но для того, кто любит, нет предела.

*

Молчание внезапное, внезапный звук,
Нездешний, сверху, из другого мира,
С молчанием смешался. Появилась мысль.
Наверное, поет вовеки сердце Бога,
И нота каждая трепещущий рождает мир.
Наверное, душа Его в покое восседает
И слушает симфонию восторга,
Сама собою наслаждаясь вечно.
Тогда поющий и внимающий едины.
Хвалебный гимн возносится вовеки
Над Временем и над Пространством,
Превозносящий белое Блаженство, им же порожденный.
В молчании Восторг невыразимый
Объял создания мистическим призывом
Вовеки и вовеки, без конца.

*

Кто ты, столь пристально за мной следящий,
Как дикий зверь из чащи,

Бросающий неведомую тень
На радостный, цветущий день?
Меня ты любишь и меня же отвергаешь,
В любви ревнуешь и с любовью пожираешь!

*

Кто говорит о Боге? Есть лишь дикий Зверь,
Чей голод не уймется ни теперь,
Ни после. Пожирая мир,
Из плоти, крови, слез устроив пир,
Он юность нашу, силу и счастливые года
Стремится поглотить всегда.

*

Ужель ты хочешь у меня забрать последнюю надежду? Бери ее!
Ужель ты претендуешь на умершее блаженство? Возьми его, и все!
Но дай мне, наконец, услышать голос твой,
Пусть даже вражеский, хрипящий надо мной.

*

Врага иль друга, но желаю слышать лишь тебя,
О вечность долгожданная моя.

*

Что отдал ты, то должен вновь себе вернуть,
Уничтожая формы, завершить свой путь.
Но чем заменишь их? Неужто пустота
Вмещает все? И если суета
Наскучила душе, она в ничтожестве способна наслаждаться?
Способна ли Любовь, утратив все, Любовью оставаться?
Забылся ты, иль мы подвержены обману?
Желаешь ли возвысить жизнь в молчанье без изъяну?

*

Ни звука, ни молчания; ни пустоты, ни мира.
Одно непостижимое, ни мило, ни немило,
Ненареченное со множеством имен,
Неисчислимое, единое во всем,
Неизмеримое, где Время и Пространство —
Лишь образы возвышенного транс!

*

Устал я от молчания. Из Ночи глубочайшей
Вернулся я к безмерности кричащей.
Душа восторг вкусила наконец,
Высокой невозможности гонец.
Бесчисленные голоса поющим сделались Пространством.
Бесчисленные вспышки стали Света постоянством.

Ад и Небо

В тишине, когда густеет
Формы прячущая ночь,
Мысль полна воспоминаний,
Их не в силах превозмочь,

Иль внезапною зарею,
Осветившей небеса,
Иль дождем, что тихо плачет,
Иль под ветра голоса

Ты всегда ко мне приходишь,
Слышу я волшебный глас,
Красоту и грусть, и строгость
Различаю в цвете глаз.

Смутным образом, когда-то
Светозарным и живым,
В час, когда душа смеется
Над падением своим,

Ты приходишь с ясным взором.
Но откуда ты пришла?
В мире горя и страданий
Как пристанище нашла?

Брось его, прошу, богиня!
И с улыбкой вознесись
От надуманных печалей
В безболезненную высь.

Одолей пустыни грусти
И вернись скорей туда,
Где в твоих небесных царствах
Боги-братья ждут тебя.

А затем приди, сияя,
Освещая этот край,
В танце сказочном, небесном
По земле сырой ступай.

Отбивая ритм, Боги
Истопали лабиринт
Звезд прекрасных, что блуждают
По путям своих орбит.

Все, что ниже — суматоха,
Плачь, желание и гнет.
Что забыто, что добыто,
За блаженством боль идет.

А над нами — дом наш светлый.
Но, блуждая наугад,
Вечно в Небо мы стремимся,
Попадая вечно в Ад.

Пусть же сердце мозгом правит,
Сил почувствовав прилив,
Зло с добром не различая,
Бога с миром примилив.

Для того, о безмятежность,
За оружие ты взялась,
Чтоб любовь вернуть на троны
И блаженству вверить власть.

Жизнь

Мистическое Чудо, дочь Восторга,
Ты — беспечность.
Пусть пределом твоего простора
Станет вечность.

На крылах несешься ты
Славы и позора,
Божества и суеты,
Радости и горя.

Страстной хваткою своей
Охвати меня
Без остатка, не слабей,
Не жалея ни дня!

Все блаженство я твое,
Муку всю стерплю.
Грозной словно львиный рев,
Но прекрасной будь.

Словно Демон буду брать,
Словно Бог владеть,
Словно человек искать,
Словно мальчик петь.

Больше нечего просить —
Иль судьба иль смерть,
Королем иль павшим быть,
Жить иль умереть.

Даже в рубище я — это бог,
Свят, погрязший в грехах.
В низком поклоне триумф мой высок,
Убитый, живу в веках.